

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ И ПРАВОСОЗНАНИЯ ГРАЖДАН. ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ

Николай Иванович Грачев

*Профессор кафедры теории и истории
государства и права Сочинского филиала ВГУЮ
(РПА Минюста России),
доктор юридических наук
E-mail: grachev.n.i@mail.ru*

Трансформация институтов публичной власти и кризис демократии в условиях глобализации

***Аннотация:** в статье раскрываются причины кризисного положения современных либерально-демократических режимов, которыми, по мнению автора, являются формальный характер демократических институтов и процедур, фактическое расхождение их политической логики и практики с потребностями реальной социально-экономической и политико-правовой жизни общества, олигархизации и бюрократизации институтов публичной власти, что постепенно ведет к демонтажу элементов социального государства. Системный кризис, который переживает в настоящее время мировая цивилизация, современные исследователи связывают, в первую очередь, с процессами глобализации. В политической плоскости этот кризис выражается в упадке суверенной национально-территориальной государственности, одной из основных причин которого выступает деградация и перерождение институтов публичной власти. Это обуславливает актуальность статьи. Предметом исследования является анализ процессов эволюции институтов публичной власти внутри государственно организованных обществ в условиях глобализации и общего кризиса национальной*

государственности. Цель работы – выяснение причин и следствий кризисного состояния институтов власти и управления и основных тенденций развития современных государств. Методологическую основу исследования составили методы научного познания, среди которых основное место заняли диалектический метод, а также синтез формационного и цивилизационного подходов при системном анализе основных тенденций развития суверенной государственности в современном мире. Научная новизна работы проявляется в методологии исследования, его содержательных характеристиках и результатах, полученных автором, а также выводах, сделанных на основе проведенного анализа. Отмечается, что выявленные тенденции ведут к приватизации функций публичной власти и отдельных ее институтов, формированию корпоративно-элитарной политики с преобладанием интересов экономической и бюрократической олигархии, превращению государственного аппарата формально конституционных, правовых и социальных государств в ставленников глобальных корпораций, формированию корпорации-государства с ослабленным суверенитетом в сфере экономики и антиправовой сущностью. Автор делает вывод о том, что необходимо волевым путем на основе цивилизационных матриц современных обществ изменить существующую социально-экономическую модель и сконструировать проект более справедливого общественного устройства с адекватной ему организацией власти и управления, способной воплотить этот проект на практике. В противном случае, мировое сообщество ожидает господство глобальной империи транснациональных корпоративных структур.

Ключевые слова: государство, глобализация, демократия, публичная власть, олигархизация государственной власти, бюрократизация государственной власти, демонтаж социального государства, корпорация-государство.

Nikolay Ivanovich Grachev

*Professor of the department of Theory and History
of State and Law,*

Sochi brunch of the

*All-Russian State University of Justice (RLA (Russian Law
Academy) of the Ministry of Justice of Russia),*

Doctor of Juridical Science

Transform of the Public Authority's Institutions and Democracy Crisis in Conditions of Globalization

Annotation: *the author describes the causes of critical status of liberal democratic regimes. The author believes that these causes are formal character of democratic institutions and processes, actual discrepancy between their political logic and practice with the needs of real socio-economic and political-legal life of society, prevailing oligarch and bureaucratic order within public power. According to the author's opinion all these factors lead to removal of elements of social state. Modern researchers believe that the systemic crisis that world civilization is currently experiencing is primarily connected to the process of globalization. In political sphere this crisis is clearly seen as the descend of sovereign national territorial statehood. One of the reasons for that is degradation and re-born of public authority's institutions. All this causes the relevance of the present article. The subject of the research is represented by the analysis of the processes of public authority institutions' evolution within governmental communities in conditional of globalization and the common crisis of national statehood. The purpose of the research is to indicate the reasons and consequences of critical conditions of power and administrative institutions and to light main tendencies in the development of modern countries. Methodological basement of the research is built upon such methods of scientific cognition as dialectical method and synthesis of formative and civilized approaches in systemic analysis of the general tendencies in development of sovereign statehood in modern world.*

Scientific newness of the article lies in methodology of the research, its constituent characteristics and authorial inferences as well as in conclusions based on the present. Indicated tendencies lead to privatization of public authority's functions and its peculiar institutions, formation of corporative elite policy with prevailing interests of economic and bureaucratic oligarchy, and transformation of state apparatus of formal constitutional, legal and social state to proteges of global corporations and formation of corporation-state with weaken sovereign in the economic sphere and contra-right nature.

The author concludes that it is necessary to follow will way basing on civilized matrixes of modern societies to change current social economic model and construct the project of fairer public order accompanied by relevant order of power and management. Otherwise world community is going to be faced with domination of global empire of transnational corporative structures.

Keywords: state, globalization, democracy, public power, oligarchization of government, bureaucratization of government, removal of social state, corporation-state.

В настоящее время мировая цивилизация переживает системный кризис, который современные исследователи связывают, в первую очередь, с процессами глобализации. В политической плоскости этот кризис выражается в упадке суверенной территориальной государственности, выступавшей в течение двух последних столетий основной формой существования наций и народов. Причины указанного явления видятся в деятельности ТНК (транснациональных корпораций) и формировании на их основе международной финансовой олигархии, продвигающий свои интересы с помощью специально создаваемых надгосударственных политических и экономических, формальных и неформальных институтов, работающих в ее интересах [1, с. 40–41]. К формальным организациям такого рода можно отнести, например, МВФ, Всемирный Банк, ВТО и др. К неформальным – Бильдербергский клуб, Совет по международным отношениям, Трехстороннюю комиссию, которые по отдельности или вместе взятые рассматриваются некоторыми авторами как некий прообраз мирового правительства или, по крайней мере, как формы управления со стороны правящих элит западных стран мировыми процессами [2, с. 111–112; 3, с. 1038–1043]. Внутри различных государств интересы этих структур представляют многочисленные НПО (неправительственные организации) и НКО (некоммерческие организации).

В связи с этим представляют интерес Рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам – членам Совета Европы о правовом статусе НПО (от 10.10.2007): 1) возможность свободно заниматься исследованиями, работать в сфере образования и вести информационно-пропагандистскую деятельность по вопросам, которые являются предметом общественных дебатов, независимо от того, соответствует ли их позиция политике правительства или она предполагает выдвижение требований об изменении законодательства; 2) возможность свободно поддерживать того или иного кандидата или партию в период проведения выборов или референдумов при условии открытого декларирования ими своей мотивации; 3) возможность свободно заниматься любой законной хозяйственной деятельностью, направленной на отправление своих некоммерческих функций, без какого-либо специального разрешения, но с соблюдением всех условий лицензирования и нормативных требований; 4) возможность свободно работать над достижением своих задач путем членства в ассоциациях, федерациях и конфедерациях НПО, как

национальных, так и международных [4].

Содержание указанных рекомендаций позволяет представить, каким образом деятельность любого общественного объединения легко может превратиться не просто в политическую, а в антиправительственную и антигосударственную. Сказанное выше указывает еще на одну причину кризиса современной государственности: это упадок и перерождение институтов публичной власти внутри самих государств, легко допускающих создание и деятельность на своей территории иностранных НКО и таких, которые выступают в качестве иностранных агентов и нередко ведут разрушительную работу внутри государственно организованных обществ, в том числе и по подготовке «цветных революций». В то же время для современного государства и системы его публичной власти свойственно снижение степени управляемости, постепенная утрата внутреннего верховенства и легитимности вследствие отчуждения населения от ее институтов, потеря сакральности и монополии на рациональность управления [5, с. 518]. Процессы глобализации резко сократили возможность и способность верховной государственной власти контролировать внутривнутриполитическую ситуацию в своих странах и управлять ею. Государственная власть как основной субъект публичного управления теряет свою эффективность, и в результате практически во всех государствах возникает состояние, которое можно определить как *кризис института государственной власти* или *кризис государственного управления*.

Проявлениями этого кризиса выступают деградация конституционных институтов власти, дисфункциональность практики управления формально демократических режимов, их олигархизация и бюрократизация и, как следствие, демонтаж со стороны властвующих элит принципов социального государства. При этом «кризис представительства и разложение демократических форм — есть всемирное состояние, непосредственное наблюдаемое во всех странах» [6, с. 425]. Они затрагивают все формы правления, формы государственного устройства и политические режимы, существующие в мире.

Весьма симптоматичным в этом плане выглядит анализ современных политико-правовых практик власти и управления, проведенных известным английским политологом К. Краучем в своей резонансной работе «Постдемократия». Автор обосновывает, что современные формы демократии и принципы организации демократической политической системы подвергаются существенной олигархической и бюрократической трансформации. Общий характер этих изменений сводится, по его мнению, к тому, что публично-властное пространство постепенно закрывается

от влияния и участия широких народных масс, а сфера государственного управления значительно «элитототализируется», т. е. основные рычаги воздействия, механизмы перераспределения общественных благ, возможности влияния на принятие общественно значимых управленческих решений постепенно концентрируются вокруг определенной группы политико-экономической элиты [7, с. 16–21].

К. Крауч выделяет следующие симптомы наступающей (а скорее, уже наступившей) постдемократической инверсии, а по существу, олигархической реставрации государственной власти: 1) усиление роли крупных корпораций и бизнеса, обладающих огромными материальными и финансовыми возможностями, с помощью которых они могут не только заниматься лоббированием своих интересов, но и аккумулировать в своих руках государственную и муниципальную власть, ставя публичных политиков, депутатов и администраторов в зависимость от своих ресурсов и интересов; 2) популизм и персонализация публичной власти, замещение института представительства институтом политического лидерства, когда личность политика, крупного государственного чиновника становится важнее обсуждения различных социальных проблем и конфликтов (здесь показательны примеры С. Берлускони, А. Шварценеггера, Д. Трампа и ряда других государственных и партийных лидеров, в том числе и в постсоветских странах), что связано с изменением характера политических коммуникаций, существенным возрастанием роли манипуляции массовым сознанием, сопровождается депарламентаризацией и т. п.; 3) коммерциализация политической и управленческой деятельности, внедрение элементов рыночных отношений в социальную (здравоохранение, образование и др.), научную, культурную и другие сферы жизнедеятельности общества, передача функций государственной и муниципальной власти в ведение частных компаний; 4) усиление роли СМИ в формирование политической повестки дня, превращение распространения и доставки информации в «шоу», ориентированное на усвоение готового мнения без ее критической переработки; 5) аполитичность и апатия широких масс, которые становятся все более безразличными к результатам выборов на различных уровнях организации публичной власти, не веря в их честность и результативность и потому не стремящихся к реализации своего права на участие в управлении делами государства [7, с. 9–10, 35–36].

Несмотря на то что существующая организация публичной власти продолжает сохранять все внешние атрибуты представительной демократии – свободные выборы, конкуренцию политических партий, публичные дебаты, парламентаризм, разделение властей, определенную прозрачность в деятельности государственного механизма, указанные тенденции

выглядят крайне опасными с точки зрения традиционных представлений о демократии. Фактически то, что привычно называется демократией, уже таковой не является, т. к. не согласуется с теорией и практикой народовластия. Это вполне определенная версия олигархии, где выборы как ключевой институт современной демократии и деятельность выборных органов не выражают интересы широких народных масс, а выступают лишь инструментом легитимизации власти той или иной олигархической группировки. Поэтому то, что рассматривается сегодня как кризис демократии, является кризисом либерально-демократического (конституционного) режима. И главной причиной этого кризиса выступает формальный характер демократических институтов и процедур, фактическое расхождение их политической логики, практики с потребностями реальной социально-экономической и политико-правовой жизни.

Другой значимой тенденцией трансформации современной системы организации и функционирования *публичной власти* является ее *бюрократизация*. Одним из характерных признаков бюрократизации системы государственной власти становится потеря эффективного парламентского контроля над деятельностью органов исполнительной власти и работой крупных хозяйственных и финансовых корпораций. Во взаимоотношениях парламентов и правительств господствующим трендом становится режим, получивший еще в начале XX в. название министриализма, при котором правительство, состоящее из лидеров партии, обладающей большинством в парламенте, через партийную фракцию с помощью партийной дисциплины контролирует парламентское большинство, принимающее необходимые правительству решения. Отсюда проистекают низкий уровень профессионализма и компетентности депутатского корпуса и, как следствие, несовершенство законодательства, его чрезмерная перегруженность несущественными деталями и высокая пробельность в регулировании важных вопросов, наличие значительного количества коллизий и противоречий, высокая степень бюрократизации законодательной и правоприменительных процедур. По существу, во многих государствах современного мира парламент и другие представительные органы (региональные и муниципальные) превратились в придаток исполнительной власти и его должностных лиц.

Что касается основных направлений эволюции исполнительной власти, то наряду с колоссальным ростом ее аппарата в настоящее время наблюдается его попытка взять под свой контроль и охватить своим регулирующим воздействием все процессы, происходящие в обществе. Создается сверхмощный аппарат учета и контроля, требующий все больших затрат. В свою очередь, разрастание исполнительного аппарата парадоксальным образом ведет к его все большей бесконтрольности,

особенно на средних и низовых уровнях его организации. Происходит деиерархизация бюрократической вертикали, возникающая вследствие чиновничьего произвола и лоббирования работы административных органов корпоративными олигархическими структурами. Это становится причиной функционирования в рамках различных управленческих и социальных институтов, а иногда и территорий разных, порой исключая друг друга, представлений о правовом порядке [8, с. 77–79], который начинает терять свое единство и унифицирующий, в масштабах всего государства, характер, что делает в глазах широких масс нелегитимным сам наличный государственный режим и открывает дорогу асоциальным настроениям и антиобщественным акциям.

Для контроля за региональными и местными структурами власти высшие и центральные государственные органы вынуждены создавать дополнительные надстроечные звенья на различных этажах управленческой пирамиды. В результате в системе управления возникает множество политико-административных «пузырей» (лишних звеньев), во-первых, не имеющих реальных функциональных оснований для своего существования и паразитирующих на своих контрольно-надзорных полномочиях, а во-вторых, недееспособных с управленческой точки зрения, т. к. они не могут и не желают решать реальные проблемы, стоящие перед отдельными регионами или обществом в целом, и работают практически исключительно на собственное воспроизводство. Возникает парадокс — организация государственной власти, обладающая колоссальным аппаратом принуждения и подавления, является достаточно слабой с позиций организационного управления [8, с. 20–22] и способностей выполнять имманентно присущие ей функции.

Существенная *трансформация происходит в управлении социальной сферой*, где основным направлением государственной политики становится *демонтаж принципов и норм социального государства*. Поворот к принципам социального государства произошел в странах западного мира после II Мировой войны. Однако экономическая, социальная и политическая демократизация буржуазного общества в 40–70-х гг. происходила вопреки имманентным законам капиталистического общества и была обусловлена, в первую очередь, не внутрисистемной борьбой трудящихся за свои права, а наличием СССР и мировой социалистической системы, что вынуждало правящие круги буржуазных стран идти на уступки своим среднему и рабочему классам и двигаться по пути создания социального государства, или государства всеобщего благоденствия [9, с. 471–474]. Но к середине 70-х гг. XX в. правящий класс западного общества в условиях начавшегося экономического спада ясно осознал, что социальные уступки большинству населения вышли за рамки того, что

могла обеспечить капиталистическая система без кардинальных изменений своей природы. Началось социальное контрнаступление на права широких народных масс, идейно-теоретическим обоснованием которого стал печально известный доклад Трехсторонней комиссии «Кризис демократии» («The Crisis of Democracy»), вышедший в 1975 г. В нем четко фиксировались реальные угрозы правящему слою Запада со стороны демократического образа правления и дальнейшего развития принципов социального государства. Поэтому под кризисом демократии в нем понимается не кризис демократического режима как такового, а такое его развитие, которое невыгодно господствующим классам [10].

С приходом к власти в Великобритании в 1979 г. (правительство М. Тетчер) и США в 1981 г. (президентство Р. Рейгана) рыночных фундаменталистов был нанесен первый удар по социальным правам трудящихся и началось сворачивание элементов социального государства, которое естественным образом продолжилось после распада СССР и крушения мировой социалистической системы [11, с. 16]. Результатом такой политики является размывание социального характера современного государства. Правящие круги постепенно сворачивают социальные льготы для различных категорий граждан и максимально сокращают роль государства в здравоохранении и образовании. В экономической сфере жизнедеятельности общества оно демонстрирует не просто вопиющее материальное неравенство в положении элиты и остальной массы населения, но и социальную и культурную пропасть между ними, которая имеет тенденцию к закреплению на антропологическом уровне.

Как указывают сами западные ученые, такая трансформация происходит исключительно сверху, вдохновляется и организуется высшими эшелонами государственной власти, представляет собой процесс аккумуляции реальных полномочий в руках верхних слоев государственной бюрократии и осуществляется посредством указов и декретов глав исполнительной власти, поддержанных и одобренных послушными парламентариями. Например, в США «все это происходит под прикрытием прямых нападков на государство всеобщего благосостояния — в особенности на общественное финансирование социальных программ, поддерживающих здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение и жилищное строительство для среднего и рабочего класса» [12].

Одновременно во все большем числе стран, вне зависимости от их исторических традиций и политической организации происходит своего рода приватизация функций публичной власти и отдельных ее институтов. Это выражается, прежде всего, в том, что традиционные виды деятельности, которые ранее были прерогативой исключительно государственного аппарата, переходят в частные руки и используются как активы

различными корпорациями и группами давления. Все шире происходит передача государственных функций на аутсорсинг частным компаниям. Например, число частных подрядчиков американского разведывательно-го сообщества перевалило за тысячу компаний, 70 % деятельности американского разведывательного сообщества выполняется именно ими. Другим примером такой приватизации является деятельность Федеральной Резервной Системы (ФРС), по законодательству выполняющей функции государственного агентства Соединенных Штатов. До сих пор не осмыслен факт, что крупнейшие частные военные компании по своей огневой мощи и боевым возможностям уже сегодня превосходят государственные вооруженные силы из третьей десятки стран современного мира [13, с. 156–157]. В ряде стран начинает одерживать верх частное правосудие, известное как «аренда судьи», «третейский суд» и пр., поскольку оно работает быстрее и дешевле, чем государственное. Можно также наблюдать приватизацию пенитенциарной системы, школьного образования, ряда полицейских функций, пенсионного дела и др. [14, с. 512]

Тем самым, в результате функциональной деформации управленческой деятельности аппарата публичной власти меняется и сама его организационная конструкция. Кроме проникновения в его систему полупубличных и частных корпораций возникают также надгосударственные структуры публичной власти и управления, представляющие интересы различных международных организаций, мировой финансовой олигархии и ТНК, происходит их экспансия в организацию и деятельность государственного механизма. В той или иной степени эти процессы происходят в Северной и Южной Америке, в Европе и во многих странах Азии. Деятельность такого рода структур нередко вступает в противоречие с политикой автохтонных органов публичной власти. Это создает очаги напряженности на территории различных государств, что хорошо можно проследить на примере Европейского Союза. Все большую силу набирают и наднациональные конспиративные сети и структуры, в том числе террористические, не контролируемые и не подотчетные ни международным организациям, ни внутригосударственным правительственным или представительным институтам, ни народным массам. Они оказывают все большее влияние на мировую политику и экономику, активно провоцируют и управляют конфликтами по всему миру.

Таким образом, при ослаблении роли и значения конституционных органов власти и управления, все в большей степени увеличивается господство крупнейших компаний, корпораций, банков, а также неформальных групп и других образований самой разнообразной конфигурации. Аппарат публичной власти формально конституционных, правовых и социальных государств, все в большей степени превращается в

ставленников глобальных, региональных и полугосударственных (получастных) корпораций. Конституционно установленные институты власти — парламенты, президенты, правительства, конституционные и верховные суды — фактически превращаются в «фасад», политико-правовую фикцию. Реальный суверенитет — верховная власть на принятие решений, организацию их исполнения и контроль за ними реально переходит к олигархическим кланам, осуществляющим ее посредством закрытых полуконспиративных структур. Конституционные органы часто выступают лишь промежуточной ступенью («прокладкой») между «концептуальной» (фактически верховной) властью «глубинных структур» и подвластным населением, осуществляя функцию подчиненного управления (по сути административную, исполнительно-распорядительную по своему содержанию и характеру), вне зависимости от того, голосуют ли они в парламенте, заседают в правительстве или осуществляют правосудие [15, с. 14].

Государственный аппарат многих стран превращается в форму власти космополитической элиты и верхушки бюрократии, которая, обслуживая интересы этой элиты, ушла в сферу своих клановых, групповых интересов и игнорирует реальные потребности общества. По существу, как отмечал еще в конце 60-х гг. XX в. Дж. К. Гэлбрейт, четкой границы, отделяющей государственный аппарат от администрации частной фирмы, уже не существует, «она становится трудноразличимой и даже условной... Каждая из них ...представляет собой продолжение другой» [16, с. 266].

Кризис системы власти и управления приводит к тому, что современное национальное территориальное государство (государство-нация, государство-территория) денационализируется, десоциализируется и детерриториализируется, т. е. теряет такой существенный признак, как полный контроль над своей территорией, приватизируется и трансформируется в государство, которое разные авторы характеризуют как «регион-государство» [17], «рынок-государство» [18], «неолиберальное государство» [19], «корпорацию-государство» [20].

А. И. Фурсов характеризует его как «административно-экономический комплекс», который, будучи формально государственным аппаратом, в то же время ставит политико-экономические национальные интересы государства, которому принадлежит, в зависимость от экономических аппаратно-ведомственных (корпоративных) выгод финансово-материального характера или, по крайней мере, рассматривает первые сквозь призму вторых; «который приватизировал в своих интересах характерные для государства как для института властные функции (приватизация власти-насилия) и в то же время отказался от выполнения

большей части характерных для государства социальных функций (или резко сократил их)». Основным принципом внутренней организации корпорации-государства является клан. Господство кланов в современных государствах А. Фурсов называет корпротакратией. От государственности в классическом смысле здесь остаются «минимальный контроль над территорией и репрессивная мощь, которая резко возрастает в силу необходимости проведения курса на денационализацию и десоциализацию, способных вызвать протест и массовые волнения. Национальные правительства перестают быть и национальными, и правительствами, превращаясь во внешние административные органы корпораций» [20].

Цели такого рода организации публичной власти носят сугубо экономический характер и руководствуется она в своей деятельности исключительно экономикоцентричной логикой. Ее главные задачи: конкурентоспособность на глобальном уровне; перераспределение национального дохода в пользу узкой группы лиц, принадлежащих к корпоратократии; минимизация социальных и экономических издержек на национальном уровне, начиная от сведения к минимуму социальных обязательств и заканчивая избавлением от нерентабельного и, следовательно, лишнего с экономической (корпоративно-государственной) точки зрения населения как неспособного быть объектом эксплуатации в качестве производителей и/или потребителей [20].

При внимательном рассмотрении неолиберальное государство-корпорация обнаруживает, кроме антисоциальной, также и свою антиправовую сущность. В правовом регулировании оно уходит от своей базовой функции и прерогативы нормативного определения справедливого и несправедливого в общественной жизни, чем подрывает собственную легитимность, оказываясь в соотнесении с метафизическими категориями агентом Хаоса, противостоящего Космосу как порядку-справедливости и взрывая тем самым социальный космос. Такое государство-аппарат по самой своей природе не может устанавливать четкие правила где бы то ни было — от экономики и политики до сугубо юридической сферы, т. к. они потенциально способны воспрепятствовать подлинному предназначению государства-корпорации — реализации узкогрупповых, корпоративных интересов. Кроме того, государство-корпорация является государством с глубоко ослабленным суверенитетом, особенно в экономической области, т. к. его интересы ориентированы на глобальную систему, наднациональный, а не внутригосударственный уровень [21, с. 11–20].

Процессы корпоратизации государства можно разглядеть в таких больших по размеру территории и количеству населения странах, как Россия, Индия, Индонезия, Китай, Бразилия. В этих государствах полная корпоратизация еще не произошла, но в силу их размеров, численности,

высокоразвитой культуры, исторических традиций и претензий на статус если не великой, то региональной державы этот процесс может оказаться особенно острым, противоречивым, конфликтным и чреватым серьезнейшими социальными потрясениями. Корпоратизация государства происходит и в США, которое уже не только и не столько государство, сколько матрица американских ТНК, с которой так или иначе связаны все формирующиеся в мире корпорации-государства [20].

Корпорация-государство является политической формой эпохи упадка и разложения капиталистической общественно-экономической формации. Переход к новому посткапиталистическому (постиндустриальному) обществу, каким бы оно не было, влечет за собой радикальную трансформацию социальных и политических систем, идеологических парадигм и т. д., в том числе формирование новых моделей государственности, соответствующих новому жизненному укладу. С точки зрения логики общественно-политического развития, складывающееся на наших глазах корпоративное государство может носить только временный и переходный характер. Оптимальные современным условиям формы и деятельность публичной власти не могут осуществляться корпоративными структурами исходя из их коммерческих интересов, без угрозы падения всей общественной жизни в самую глубокую архаику. Новый миропорядок, способствующий прогрессивному развитию общества, смогут построить только те социально-политические силы, которые будут в состоянии сформулировать новые жизненные смыслы, сконструировать проект его более справедливого устройства и окажутся в состоянии сформировать необходимую организацию власти и управления, способную воплотить этот проект на практике.

Пристатейный библиографический список

1. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М. : Проспект, 2008.
2. Дугин А. Г. Геополитика : учеб. пособие для вузов. М. : Академический проект : Гаудеамус, 2011.
3. Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма. М. : Алгоритм, 2011.
4. Рекомендация CM/Rec (2007) 14 Комитета министров государств – членов Совета Европы о правовом статусе неправительственных организаций в Европе (Принята Комитетом министров 10.10.2007 на 1006-м заседании постоянных представителей министров). URL: <http://docplayer.ru/30065737-Rekomendaciya-cm-rec-2007-14-komiteta-ministrov-gosudarstv-chlenov-soveta-evropy.html>.
5. Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб. : Изд. дом «Алеф-Пресс», 2012.

6. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М. : Культурная революция, 2006.

7. Крауч К. Постдемократия. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

8. Глобальный кризис института власти / отв. ред. В. Ю. Колмаков. Красноярск : Литера-принт, 2011.

9. Фурсов А. И. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними // Русский интерес. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2014. С. 464–498.

10. Crosier M., Huntington S. P., Watanuki J. The Crisis of Democracy : Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N. Y. : New York University Press, 1975.

11. Керимов А. Д., Куксин И. Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018.

12. Петрас Дж. Великая трансформация: от государства всеобщего благосостояния к имперскому полицейскому государству. URL: <http://petras.lahaine.org/?p=1903>.

13. Ларина Е. С. Умножающие скорбь. Как выжить в эпоху войны элит. М. : Книжный мир, 2016.

14. Кревельд М. ван. Расцвет и упадок государства. М. : ИРИСЭН, 2006.

15. Грачев Н. И. Принцип единства государственной власти как реальная правовая основа ее организации и деятельности // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 2. С. 9–18.

16. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. Избранное. М. : Эксмо, 2008.

17. Ohmae K. The end of the nation state: The rise of regional economies. L. : Harper Collins, 1995.

18. Bobbitt Ph. The shield of Achilles: War, Peace and the course of history. L. : Lane, 2002.

19. Харви Д. Неолиберализм и реставрация классовый власти. URL: http://www.redflora.org/2012/11/blog-post_13.html.

20. Фурсов А. И. Государство, оно же корпорация. URL: <https://www.russiapost.su/archives/1812>.

21. Грачев Н. И., Попов В. В. Эволюция и основное содержание концепции гражданского общества: от античности к постмодерну // Legal Concept = Правовая парадигма. 2018. Т. 17, № 3. С. 11–20.

References

1. Marchenko M. N. Gosudarstvo i pravo v usloviyah globalizacii. [State and law in the context of globalization] М. : Prospekt, 2008.

2. Dugin A. G. Geopolitika : ucheb. posobie dlya vuzov. [Geopolitics:

university manual] М. : Akademicheskij proekt : Gaudeamus, 2011.

3. Platonov O. A. Rossiya i mirovoe zlo. Trudy po istorii tajnyh obshchestv i podryvnoj deyatel'nosti sionizma. [Russia and world evil. Proceedings on the history of secret communities and subversive activities of Zionism.] М. : Algoritm, 2011.

4. Rekomendaciya CM/Rec (2007) 14 Komiteta ministrov gosudarstv – chlenov Soveta Evropy o pravovom statuse nepravitel'stvennyh organizacij v Evrope (Prinyata Komitetom ministrov 10.10.2007 na 1006-m zasedanii postoyannyh predstavitelej ministrov). [recommendation CM / Rec (2007) 14 of the Committee of Ministers of the member states of the Council of Europe on the legal status of non-governmental organizations in Europe (Adopted by the Committee of Ministers on 10.10.2007 at the 1006th meeting of the Permanent Representatives of Ministers).] URL: <http://docplayer.ru/30065737-Rekomendaciya-cm-rec-2007-14-komiteta-ministrov-gosudarstv-chlenov-soveta-evropy.html>.

5. Chestnov I. L. Postklassicheskaya teoriya prava. [Postclassical theory of law.] SPb. : Izd. dom «Alef-Press», 2012.

6. Hardt M., Negri A. Mnozhestvo: vojna i demokratiya v epohu imperii. [Plenty: war and democracy in the era of the empire] М. : Kul'turnaya revolyuciya, 2006.

7. Krauch K. Postdemokratiya. [Post-democracy] М. : Izd. dom Gos. un-ta – Vysshej shkoly ekonomiki, 2010.

8. Global'nyj krizis instituta vlasti [The global crisis of the institution of power] / editor in charge is V. YU. Kolmakov. Krasnoyarsk : Litera-print, 2011.

9. Fursov A. I. Mir, kotoryj my pokidaem, mir, v kotoryj my vstupаем, i mir mezhdru nimi // Russkij interes. [The world we are leaving, the world we are entering, and the world between them // Russian Interest.] М. : Tovarishestvo nauchnyh izdaniy KMK, 2014. P. 464–498.

10. Crosier M., Huntington S. P., Watanuki J. The Crisis of Democracy : Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N. Y. : New York University Press, 1975.

11. Kerimov A. D., Kuksin I. N. Sil'noe gosudarstvo kak opredelyayushchij faktor obshchestvennogo progressa. [Strong state as a determining factor in social progress] М. : Norma : INFRA-M, 2018.

12. Petras Dzh. Velikaya transformaciya: ot gosudarstva vseobshchego blagosostoyaniya k imperskomu policejskomu gosudarstvu. [the Great Transformation: From a Welfare State to an Imperial Police State.] URL: <http://petras.lahaine.org/?p=1903>.

13. Larina E. S. Umnozhayushchie skorb'. Kak vyzhit' v epohu vojny elit. [Multiplying sorrow. How to survive in the era of the elite wars] М. : Knizhnyj mir, 2016.

14. Kreveld M. van. Rascvet i upadok gosudarstva. [The rise and fall of the state] M. : IRISEN, 2006.

15. Grachev N. I. Princip edinstva gosudarstvennoj vlasti kak real'naya pravovaya osnova eyo organizacii i deyatelnosti // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij. [The principle of the unity of state power as the real legal basis for its organization and activities // Russian Journal of Legal Research] 2017. № 2. P. 9–18.

16. Gelbrejt Dzh. K. Novoe industrial'noe obshchestvo. Izbrannoe. [New industrial society. Selected] M. : Eksmo, 2008.

17. Ohmae K. The end of the nation state: The rise of regional economies. L. : Harper Collins, 1995.

18. Bobbitt Ph. The shield of Achilles: War, Peace and the course of history. L. : Lane, 2002.

19. Harvi D. Neoliberalizm i restavraciya klassovoj vlasti [Neoliberalism and the restoration of class power // http://www.redflora.org/2012/11/blog-post_13.html].

20. Fursov A. I. Gosudarstvo, ono zhe korporaciya. [The state, it is a corporation] URL: <https://www.russiapost.su/archives/1812>.

21. Grachev N. I., Popov V. V. Evolyuciya i osnovnoe sodержanie koncepcii grazhdanskogo obshchestva: ot antichnosti k postmodernu // Legal Concept = Pravovaya paradigma. [Evolution and the main content of the concept of civil society: from antiquity to postmodern // Legal Concept = Legal paradigm.] 2018. Volume 17, № 3. P. 11–20.